

**Ашимов
И.А.**

**Философия
смыслостроительства.
Авторские мифы и
легенды в пространстве
познания**

Ашимов И.А.
Философия
смыслостроительства.
Авторские мифы и легенды
в пространстве познания

*<https://litres.ru/74670777>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Книга представляет собой опыт авторского мифоконструирования и философского смыслостроительства, где авторские мифы, легенды, предания и сказания, осмысляются как специфицированные пространства познания человеческого бытия, краевой идентичности и категории сакрального. На примере топографии и духовной географии сурового края Ляйляк (горы Тегерек, ущелья Ажыдарсай, пещер Келин-басты, Кара-камар, Астын-устун, Карабахшы и реки Ак-суу) автор выстраивает метафизическую архитектонику дуализма Добра и Зла, феноменологии страха, исторической памяти и коллективного бессознательного. Через притчи, народную мудрость и диалог с техногенными катастрофами (Чернобыль, Фукусима) книга проводит читателя от эмпирического восприятия природного ландшафта к

рефлексивному самопознанию и преодолению внутреннего невежества. Она адресована философам, культурологам, а также тем, кто ищет метафизические смыслы в фольклоре и задаётся вопросами духовно-нравственного самоопределения человека

Содержание

Предисловие: метафизика ландшафта и алхимия созданных смыслов.	5
Мысли о философии нового пространства познания: метафизика смыслоконструирования и глобальный мультиверсум Ляйляка.	9
Введение. Теоретико-методологические основания авторского мифоконструирования и три пространства познания.	15
Глава	22
§1. Геоглиф Абсолюта: Миф о курганном саркофаге и генезис экзистенциального страха. Тегерек - каменный купол над бездной.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ашимов И.А.
Философия
смыслостроительства.
Авторские мифы и легенды
в пространстве познания

Предисловие: метафизика
ландшафта и алхимия
созданных смыслов.

Человеческий разум по своей природосообразной природе всегда устремлён к поиску смыслов. Однако созданные смыслы - сконструированные по законам философизации и авторского мифомоделирования - не только не уступают найденным традиционным нарративам, но зачастую превосходят их своей концептуальной зрелостью и духовно-ориентирующей силой. Фольклорные жанры издавна служили базисом коллективной памяти и традиционным способом освоения мира. Но что происходит, когда современная рефлексия берёт на себя смелость смыслотворчества? Она превращает

щает географическую карту в топографию духа, а физические объекты - в онтологические порталы.

Малая родина - суровый лаялякский край каньонов, вековых скальных массивов и безмолвных пещер - на первый взгляд репрезентирует себя монохромным и аскетичным пространством. Но это лишь первый, эмпирический уровень восприятия. Стоит путнику шагнуть в глубь каньонов, услышать предание и задаться экзистенциальным вопрошанием, как ландшафт превращается в трехмерную сферу познания: от чувственного созерцания камня - через устный нарратив - к глубинной саморефлексии духа.

Настоящая книга - это не просто сборник сказочных сюжетов о драконоборцах. Это философское исследование природы Зла, цикла его вечного возвращения, феноменов человеческой ответственности, исторической памяти и преодоления внутреннего пагубного невежества. Гора Тегерек, превращенная в циклопический саркофаг, дракон Ажыдар как персонификация Хаоса и фобий, изменчивые воды Аксуу и мрачные глубины пещер выступают здесь символами внутренних битв, которые каждый человек и каждый народ ведет в собственном сердце. Книга приглашает читателя совершить феноменологическое путешествие от внешней, «пещерной» замкнутости - к свету подлинного знания, культуре мысли и осознанию непрерывной связи времен.

Тех читателей, которых интересует философия этого края отсылаем к моим многочисленным научно-философским и

литературным трудам: сочинения «Тегерек», «Проклятье Круга Зла», «Мистический шейх», «Край каньонов и пещер», «Поиск истины», «Аватар», трактаты «Мифы, легенды и предания края каньонов и пещер», «Край Сфер и Анти-Сфер», «Сущность теней», «Беседы с дервишем, тенью, временем и одиночеством», «Дервиш XXI века. Личность философа в деталях», «По ту сторону Тегерека», «Философия разворота времени» и др.

Теоретические изыскания проблематики Зла отражены в многочисленных авторских монографиях: «Миф о Тегерек» «Неомиф о Тегерек», «Конструирование и символизация мифа и неомифа о Тегерек», «Концептуализация, семантизация, сакрализация и философизация мифа и неомифа о Тегерек», «Теория авторского мифотворчества», «Конструирование мифа и неомифа», «Верификация мифа и неомифа», «Философия трансформации реальности. Теория трансгрессии и итерации реальности», «Итератизм. Учение о круге», «Центро-Круговая модель бытия», «Мифотворчество: технология конструирования смыслов», «Мифос и Логос: от мифологии к неомифологии», «Реальность: границы, трансгрессии, итерации, трансформации», «Смысл и АнтиСмысл: философия трансформации человека» и др.

Данную книгу назвал так: «Философия смыслостроительства. Авторские мифы и легенды в пространстве познания». Если первая часть названия передает ключевой метод личного творчества - не пассивный сбор фольклора, а актив-

ное конструирование новых смыслов через философизацию и неомифотворчество, то вторая часть честно и открыто обозначает жанровую природу книги, предупреждая читателя о том, что перед ним плод индивидуальной рефлексии и художественно-философского вымысла. Причем, в рамках концепции трёх пространств познания (эмпирического, трансляционного, рефлексивного), показывая, что географические ландшафты края каньонов и пещер служат лишь декорацией для грандиозного путешествия человеческого духа.

Мысли о философии нового пространства познания: метафизика смыслоконструирования и глобальный мультиверсум Ляйляка.

Настоящий труд издан учрежденным мною Виртуальным Институтом Человека (ВИЧ) при Национальной академии наук Кыргызской Республики. Человек - существо бесконечно сложное, выступающее в мироздании наименее постижимым, мультидисциплинарным феноменом. Научное познание человеческой природы обязано быть комплексным, строящимся на непрерывной коммуникации множества отраслей и дисциплин, объединенных через строгий философско-методологический синтез. В этом контексте ВИЧ представляет собой идеальную коммуникативную платформу для постижения столь масштабного феномена, ставшего эпицентром глобальных проблем в эпоху всемирных интернет-коммуникаций.

И в этом нет никакого парадокса, что штаб-квартира и коммуникативный офис ВИЧ располагаются в моем скром-

ном доме, затерянном в родовом селении на самой отдаленной юго-западной оконечности страны. На географических картах этот глухой, богом забытый край, зажатый в теснине скал и получивший название «края каньонов и пещер», выглядит крошечным мышинным хвостом. Однако в нашу высокотехнологичную эпоху информационных сетей и искусственного интеллекта здесь, в тишине ущелий, беспрепятственно рождаются и стекаются глубокие мысли о сущности миров и человеческого разума - и отсюда же они разносятся по всей планете. Здесь отчетливо вспоминаются крылатая латинская мудрость «Все дороги ведут в Рим» и глубокое изречение великого Чингиза Айтматова: «Путь во Вселенную начинается с села». Таков глобальный синтез из глубины каньонов.

Вернувшись на малую родину, в родовое лоно, я заново обрёл то, что казалось безвозвратно утраченным в суете цивилизации: я слился с духовным опытом своего рода и сбросил тяжкую ношу наносного сознания. Именно здесь во мне пробудилось подлинное внутреннее единство, обострилось и расширилось восприятие мира, приобретя объем, пластичность и абсолютную ясность, а вместе с тем укрепились уверенность в собственном жизненном опыте. Благодаря современным информационно-коммуникативным технологиям мысли людей из самых отдаленных уголков Земли мгновенно становятся доступными тебе, и точно так же твои идеи разносятся по миру, преодолевая любые географиче-

ские расстояния.

Погрузившись в жизнь родной среды, я открыл для себя совершенно новые пласты познания. Я обратился к фундаментальным жанрам устного народного творчества — мифам, легендам, сказаниям и преданиям, в которых кристаллизуется картина мира конкретного этноса, его этические ориентиры, экзистенциальные страхи, идеалы и глубинное понимание добра и зла. Однако вскоре мне пришлось констатировать факт: в нашем суровом крае фольклорный пласт, касающийся глубинных истоков духовной жизни народа, оказался крайне скудным, исчерпываясь лишь разрозненными преданиями и абстрактными сказаниями. Осознав это, я предпринял сознательный шаг - приступил к проектированию и конструированию принципиально новых мифов, неомифов, легенд и преданий, подвергнув их строгой научно-философской верификации в рамках избранных интервалов абстракции. В этом контексте, мое авторское мифоконструирование является, по сути, актом философского творчества.

Все представленные в этой книге мифологемы и сказания являются искусственно сконструированными, представляя собой чистый авторский вымысел. В качестве каркаса использовались лишь отдельные ландшафтно-географические топонимы реальной местности да скудные отголоски преданий моего родного рода — кара-кулов. Разумеется, любой предвзятый критик — будь то местный старожил, краевед,

историк, этнограф, мифолог, географ, литератор или профессиональный философ — напрасно станет искать следы описанных сюжетов в архивах или устной традиции района и области. Подобных сказаний в готовом виде никогда не существовало.

Заявляю, что все эти формы рождены моим собственным интеллектуальным трудом. Меня занимала не лингвистическая архитектоника фольклора, а создание концептуальных нарративов, способных послужить инструментом для глубокой философской проработки и поиска новых экзистенциальных смыслов. Это акт чистого смыслоконструирования, где материалом выступают плоды моего воображения. Созданные тексты не претендуют на историческую фактологическую точность и не являются продуктом коллективного бессознательного. Тем не менее, они несут мощный назидательный и объяснительный заряд на уровне высокой философской рефлексии.

Так или иначе, мое повествование балансирует на грани между историческим фактом и чистым мифом, облекаясь в торжественный, эпический стиль. Придуманные сюжеты — лишь внешняя ширма, литературный фасад. За каждой вымышленной историей скрывается строго выверенный философский или духовный посыл. Эти сюжеты призваны уберечь читателя от праздного погружения в пустые сказки, побуждая его стать соавтором в осмыслении уже сформулированных концептов, проникнуть в самую суть проблемы за

счет гиперболизации и сакрализации смыслов.

Возвращаясь к контексту глобальной коммуникации, отмечу: сконструированные мной мифы и предания затрагивают фундаментальную проблему человечества - проблему Зла, которая в современности переросла в глобальный феномен и концептуальную эсхатологию техногенного мира. Нужно признать, что гиперболизация смысла и проблема всемирного Зла – важная философская категория взаимосвязи эсхатологии мира. Философия зла упирается в непреложный факт: первоисточником и вечной фабрикой destruction выступает онтологическая недостаточность самого человека. Единственным универсальным рецептом преодоления этого метафизического недуга по-прежнему остается познание, просвещение и формирование высокого уровня научно-мировоззренческой культуры. Именно эта спасительная идея пронизывает единой красной нитью все созданные мной мифологические сюжеты.

Таким образом, через эти философские притчи мой крошечный край и мой небольшой род оказываются интегрированными в глобальное пространство Вселенной, находясь в живой, неразрывной связи со всем человечеством. Здесь неизбежно вспоминается древняя мудрость Упанишад: «Когда срывают травинку, вздрагивает вся Вселенная», а также пронзительные слова английского поэта XIX века Фрэнсиса Томпсона: «Все вещи, близкие и далекие, незримо связаны бессмертной силой. Нельзя сорвать цветок, не потревожив

звезду». Таков микрокосм моего крошечного селения - Кара-даван в зеркале Вселенной.

Введение. Теоретико-методологические основания авторского мифоконструирования и три пространства познания.

Убежден в том, что созданные смыслы не только не уступают найденным, но зачастую превосходят их своей концептуальной зрелостью. В этом аспекте, авторские, то есть созданные по технологиям мифоконструирования и философизации (поиск смыслов), новые мифы, легенды, предания и сказания являются особыми пространствами философского познания мира.

Фольклорные формы – мифы, легенды, предания и сказания – традиционно выступают фундаментальными жанрами устного народного творчества, образующими базис коллективной памяти. В своей основе они служат не просто способом трансляции исторического и культурного опыта от поколения к поколению, но и специфическим способом бытия человека в мире.

Нужно отметить, что при единой ценностной направленности границы между этими жанрами определяются степенью их достоверности, глубиной сакральной веры и степенью связи с эмпирической реальностью. Их объединяющие

интенции можно свести к четырём ключевым измерениям:

1) Устная природосообразность и процессуальность: Возникнув задолго до эпохи массовой письменной фиксации, эти тексты существовали в режиме устной передачи. Непрерывный процесс пересказывания «из уст в уста» превращал каждый сюжет в живой, постоянно трансформирующийся организм, обогащаемый новыми смысловыми нюансами.

2) Анонимность и коллективность субъекта: У данных произведений нет единого автора. Они представляют собой результат соборного, народнопоэтического мышления, где индивидуальное растворяется в коллективном сознании.

3) Онтологическая связь с культурой и этносом: Все они отражают фундаментальную картину мира конкретного народа – его этические ориентиры, экзистенциальные страхи, идеалы, а также базисные категории добра и зла.

4) Архетипическая сюжетная структура: В основе каждого жанра лежит выразительная повествовательная канва, сфокусированная на судьбоносных и необычных деяниях персонажей.

Дифференцирующие черты раскрывают внутреннюю специфику каждого жанра:

1) Миф – это символический нарратив (повествование), служащее для носителя объяснением реальности; обычно (но не всегда) не имеет конкретного авторства, связан с традицией или с религиозными верованиями. Каждый миф понимается носителями как авторитетное, основанное на фак-

тах повествование, независимо от того, насколько оно расходится с известными законами природы или обыденным опытом.

2) Легенда укоренена в категории чуда, религиозном откровении и мистическом переживании. Изначально не претендуя на фактологическую точность, она несёт в себе глубокий назидательный, экзистенциальный и объяснительный посыл. Легенда – это не документ, а поэтический вымысел, раскрывающий духовно-нравственную суть бытия.

3) Предание всегда обращено к истокам исторической реальности, пусть и преображённой сквозь призму времени. Оно апеллирует к конкретным личностям, событиям или топонимике природного ландшафта, сохраняя упор на фактуальную достоверность.

4) Сказание занимает пограничное положение между историей и мифом. Это торжественное, эпическое повествование, пронизанное особым поэтическим слогом. Описывая подвиги и драмы прошлого в гиперболизированных формах, сказание служит инструментом душевного подъёма и консолидации народа.

Нас не интересовала лингвистическая сторона вышеперечисленных жанров. Нас волновал вопрос философской их интерпретации и авторское смыслостроительство. Здесь встаёт фундаментальный философский вопрос: что происходит, когда современный автор осознанно берет на себя роль смыслотворца? Принцип здесь прост: созданные смыс-

лы не только не уступают найденным, но зачастую превосходят их своей концептуальной зрелостью.

Речь идёт о проектировании новых мифов, легенд, преданий и сказаний через глубокий анализ традиционных сюжетов, событий и фактов. Этот процесс осуществляется посредством философской интерпретации, синтеза, смысловой детализации и концептуализации. Преследуемая цель носит глубоко гносеологический и экзистенциальный характер – извлечь моральный умозаключительный урок из прошлого, уберечь историческую память от забвения, истолковать трансформирующийся мир и выстроить актуальные ценностные ориентиры для современного человека.

Через новые мифологемы личность ищет свои истоки, самоопределяется в категориях рода и этноса, обретая метафизическую мотивацию для бытия и творчества. В этом контексте мною были сконструированы авторские мифы, легенды и предания, рассматриваемые как специфические пространства познания своего края и исторической идентичности.

Моя малая родина – Ляйляк – суровый край каньонов и пещер, на первый взгляд репрезентирует себя как пространство безжизненное, монохромное и суровое. Однако эта строгость обманчива: край открывается наблюдателю лишь по мере его внутреннего погружения. Путешественник начинает путь с открытого простора, но постепенно дорога уводит его вглубь каньонов, где с обеих сторон возвышаются исполинские каменные своды. Солнечный свет становится

редким благом, а темные входы пещер (камар) начинают восприниматься как порталы в инобытие. Так географический маршрут преобразуется в феноменологическое путешествие к глубинам собственного сознания, приобщая человека к категории сакрального.

Как известно, существуют три пространственные сферы познания. Согласно мудрости старцев, процесс познания разворачивается в трёх последовательных пространствах:

1) Первичное (эмпирическое) пространство: Доступно прямому чувственному восприятию – это материальный ландшафт: горы, русла рек, пещеры и застывшие следы на камнях.

2) Второе (трансляционное) пространство: Формируется через нарративы, устные предания и рассказы. Здесь грань между объективной памятью и продуктивным воображением стирается, а реальный факт становится неотделим от его интерпретации.

3) Третье (рефлексивное) пространство: Субъект вступает в него тогда, когда переходит к самосознанию и вопрошанию. Он начинает задаваться вопросом: почему увиденное порождает трепет и страх? Почему легенда обладает устойчивостью сквозь века и какую именно внутреннюю истину она проявляет в нем самом?

Вся философия новых мифов, легенд, преданий так или иначе отражают топографию духа и проблемы Зла в этом мире. Путник созерцающий может пройти мимо пещер Ка-

ра-камар, Кара-бахшы камар, Келин-басты камар или Астун-устун камар, увидав в них лишь темные геологические пустоты. Другой, услышав сказание об Ажыдаре, воспримет его как буквалистскую сказку о чудовище. Но лишь третий – мыслящий наблюдатель – поставит экзистенциальный вопрос: почему человеческое сознание испытывает неизбывную потребность в образе чудовища и почему даже после победы над ним страх продолжают передавать из поколения в поколение?

Точно так же гора Тегерек раскрывается на разных уровнях восприятия: для одного это просто монументальный массив, для другого – историческая загадка, для третьего – метафора персонифицированного Зла, которое невозможно сокрушить единым физическим ударом. Для философствующего же ума Тегерек становится вопрошанием: что именно мы погребаем под пластами собственной памяти и кто несёт вечную стражу, дабы скрытое не вырвалось наружу? Почему мощный поток реки Ак-суу огибает подножие этой сакральной горы, словно очерчивая границу между миром живых и сферой вытесненного?

Таким образом, природная география – пещеры, каньоны и реки – преобразуется в пространство познания. Ландшафт учит человека проводить границу между видимым и понятым, услышанным и осмысленным, аффективным страхом и подлинной опасностью. Он напоминает, что легенда не обязана доказывать свою буквальную фактологичность, что-

бы транслировать фундаментальную правду о человеческой природе.

Человек, покидающий этот край, уносит с собой не просто слепок каменных теснин и мрачных гротов. Он уходит с вопросом, на который молчат горные вершины: «Если Зло заключено в каменный саркофаг, то кто охраняет его внутри человеческой души?» С этого осознания и берёт начало настоящее философское осмысление бытия.

Если говорить о моем авторском интервале абстракции, то представленные ниже мифы, легенды и предания образуют стилистически целостный комплекс метафорических текстов. Их ключевой лейтмотив – не утверждение физического существования сверхъестественных сил, а философское осмысление проблемы Зла, его циклического возвращения, феноменов человеческой ответственности, исторической памяти и искупления.

Топонимы и сюжетные основания – Тегерек, Ажыдар-сай, Келин-басты, Кара-камар, Астун-устун камар, Кара-бахшы камар, Чоюнчу, Джар-кишлак, Кара-даван, Кара-кул, Ак-киши олуя – представляют собой авторский интервал абстракции и авторскую интерпретацию в форме философских притч и сказаний. Метафорический язык повествования выдержан в строгой лаконичности и насыщен философским звучанием.

Глава

I

. Гора-саркофаг «Тегерек» и метафизика борьбы со злом.

§1. Геоглиф Абсолюта: Миф о курганном саркофаге и генезис экзистенциального страха. Тегерек - каменный купол над бездной.

Безусловно, миф о «Тегерек» выдуман с начала до конца. Но в чем заключалась цель такой мифоконструкции? А смысл заключалось в том, чтобы раскрутить проблему восприятия Зла, с одной стороны, возводя его в Абсолют, а с другой – наоборот, приземлив его до уровня архаики и все это ради поиска и установления новых смыслов. Безусловно, в этом мифе речь идет об исполинском геоглифе Абсолюта и дуализме восприятия саркофага как вечности и метафизики страха. Итак, в чем заключается смысл мифа, генезис саркофага и метафизика страха?

В Ляйляке, среди угрюмого пространства каньонов и безмолвных пещер, возвышается исполинская гора Тегерек, обладающая поразительно правильной, почти безупречной сферической формой. Это не просто элемент геологического ландшафта, но фундаментальная загадка бытия. Главная метафизическая тайна, окружающая Тегерек (что в переводе с кыргызского означает «Круг»), заключается в стойком поверии о том, что эта вершина столь же рукотворна и функци-

онально предначертана, как и современный Чернобыльский саркофаг.

Между ними действительно прослеживается несомненная онтологическая параллель – та же суровая, подавляющая монументальность, та же сакральная таинственность и точное целевое предназначение. Любой наблюдатель, всматривающийся в монументальный силуэт этой сферы, непременно улавливает её сходство с защитным куполом или железобетонным укрытием, призванным сдерживать смертоносную, разрушительную энтропию.

В сознании человека, ступившего на эту землю, постепенно закипает внутреннее, непоколебимое убеждение: необходимо приложить предельные интеллектуальные и душевные усилия, чтобы осознать подлинную суть Тегерека. Это не гора в привычном понимании, а колоссальный каменный саркофаг, склеп, покоящийся среди скал уже многие столетия, внутри которого навечно замурован ажыдар – мифический дракон, персонификация древнего Зла.

Естественно, возникает сонм философских вопросов: Что представляет собой этот саркофаг в контексте вечности? Зачем и во имя чего он был сооружен в этой геопозитической глуши? Почему именно здесь, на перекрестке забытых ветров? И кто же такой ажыдар – реальный монстр или экзистенциальный фантом?

Логику создания египетских пирамид понять несложно: они возводились как усыпальницы и порталы бессмертия

для фараонов, воспринимавшихся живыми богами среди людей. Но каков смысл воздвижения столь гигантского сооружения здесь, в забытом Богом и людьми уголке земли?

Для стороннего наблюдателя слухи о Тегереке поначалу кажутся лишь диковинной экзотикой, проявлением какого-то ложного локального идеала. Все события вокруг горы воспринимаются как банальная героизация далеких предков крошечного рода кара-кулов – привычная народная сказка об извечной борьбе людей с кровожадным драконом, оканчивающаяся обязательной триумфальной победой драконоборцев. Однако подобное поверхностное восприятие в корне ошибочно.

В философском аспекте важно отметить экзистенциальный тупик и ответственность рода кара-кулов. Действительно, среди неприступных скал и глубоких ущелий с давних времен проживал небольшой род – кара-кулы. Их бытие было отравлено страхом перед внешним миром. Среди сородичей бытовало глубокое убеждение, что за пределами их долины обитают ажыдары – летучие исполины, несущие лишь смерть, хаос и опустошение. На самом деле почти никто из живущих никогда не видел чудовище вживую, однако трансгенерационный страх передавался из поколения в поколение, обретая плоть и становясь довлеющим, более реальным, чем сама эмпирическая действительность.

И вот наступил момент, когда люди окончательно поверили в то, что ажыдар реален и затаился в глубине высоких

горных пещер. Пусть его физический лик оставался невидимым, древние былины и ужас перед ним глубоко пустили корни в человеческих душах. Страх парализовал естественное любопытство, сковал волю к познанию и перекрыл все пути к просвещению. Кара-кулы перестали видеть реальный мир во всем его многообразии, ибо боитесь даже мельком взглянуть за пределы привычного, замкнутого ареала.

И всё же сородичи начинали нутром чувствовать, в какой колоссальной опасности находится не только их собственной племенной коллектив, но и всё будущее рода человеческого. В этот судьбоносный час именно на них легла метафизическая ответственность за сохранение шаткого мирового равновесия. Вот-так древние нарративы, легенды и мифологемы стали не просто фольклором, а самой тканью ежедневно-го бытия простого народа.

Поразительно, насколько неразрывно будущее сплетено с прошлым: и то, и другое беспрерывно проходит через точку настоящего, подобно вращению исполинского Колеса Сансары или Вечного Возвращения. Большинство людей озабочено лишь сиюминутными трагедиями своего времени, но мало кто способен осознать мысленное, сокровенное присутствие Зла в структуре бытия. Они не в состоянии вообразить, что именно сулит им грядущее.

Неужели кара-кулы – настолько проницательный этнос, что их всерьез волнует отдаленная судьба всего человечества? Да, ибо в своем простодушии они осознали главное:

благополучие человеческого рода напрямую зависит от того, в каком статусе пребывает Зло. «Мы обязаны предотвратить трагедию очередного воплощения Зла!» – неустанно повторяли они про себя, напевая древние защитные заклинания.

Конечно, эти устные сказания – не совсем буквальная правда, или, вернее, не только фактологическая правда. Здесь есть два важных философских нюанса, две «шероховатости»: 1) Наличие сказочной формы: События вокруг Тегерека и пещер облечены в привычные мифические одежды. 2) Критическое осмысление: Мы – разумные люди, живущие не в младенческом возрасте человечества. Но когда прочие считают миф о Тегереке и ажыдаре пустой детской чушью, кара-кулы знают: это далеко не чушь. Пусть для внешнего мира миф остаётся лишь сказкой – у этого народа сложилось своё уникальное видение динамики природы, свои глубокие представления о Добре и Зле.

Народ этих краев всегда отличался поразительной самобытностью: внешне очень простые, эти люди по своей внутренней сути оказались невероятно сложными. Они обладали особым складом ума – мысля простыми, житейскими категориями, они сохранили проницательность и глубокую архаичную мудрость. Согласно их преданию, гора Тегерек – это грандиозная курганная насыпь, сооруженная предками, под которой в давние времена был погребен реальный ажыдар.

Духовный лидер и старец рода – Ак-киши олуя – открывал сородичам горькую истину. Он говорила о том, что в глубо-

ких раздумьях каждый взрослый человек признается себе: когда-то, чтобы не погибнуть в заведомо бессмысленной и неравной борьбе с внешним злом – жестокими ордами завоевателя Искандера Зулкарнайна (Александра Македонского), предки бежали в эти неприступные горы.

- «Но главное проклятие нашего рода заключается вовсе не в том, что когда-то мы отказались отдать свои жизни и не бросили бессмысленный вызов великому внешнему завоевателю, – вещал Ак-киши олуя. – Наше проклятие в другом: вместо борьбы с внешним врагом мы взрастили и прижали к своему сердцу внутреннее, абстрактное Зло в образе ажыдара. Мы держим его крепко, судорожно, и радуемся ему, будто прижимаем к груди любимое, хотя и уродливое, дитя».

Сородичи постепенно приходили к страшному осознанию: они сами принесли эту Тень с собой. «Возможно, ни одно мыслящее существо не способно функционировать в мире без этой внутренней Тени, – сознавались люди. – Но мы, невзирая на весь наш жизненный опыт, больше не можем игнорировать её присутствие. Это не просто надуманный страх, это конкретное, укорененное в нас Зло. Мы не имеем права делать вид, будто ничего о нем не знаем. Мы несем его внутри себя как тяжелую, мрачную рок-судьбу».

Ак-киши олуя продолжал свою проповедь: - «Мы наглухо замкнулись в собственном страхе перед ажыдаром, хотя никто из нас не сходил с ним лицом к лицу! Пустые слухи, сплетни и домыслы – не в счет. Наша трагедия в том, что

этим парализующим страхом мы сузили круг своего мышления, своих устремлений и человеческих связей до такой степени, что рискуем окончательно утратить человеческий облик и уподобиться собственному скоту! Какое будущее ждет нас? Мы же полностью парализованы, мы не способны двигаться к свету, к знанию, к образованию, к великому миру! Нам должно быть невыносимо стыдно перед своими детьми за то, что мы добровольно впустили ажыдара в свои душевные покои и позволили ему пленить наше сознание!»

Однако привычный порядок вещей обрушился в один миг: метафизический ажыдар проявил свою жуткую, физическую реальность. Чудовище действительно поселилось в темной, зловонной пещере неподалеку от стойбища кара-кулов. Наступили черные, беспросветные дни: ажыдар начал планомерно терроризировать округу – совершать кровавые набеги на поселение, пожирать скот, убивать людей и выжигать посевы. Дальнейшее существование стало невыносимым.

И тогда в недрах племени созрела великая трансформирующая идея: необходимо физически уничтожить реально-го дракона и тем самым нанести решительный удар по страху, гнездящемуся в коллективном бессознательном. Каждым нервом сородичи чувствовали: они предельно устали от вечной ментальной кабалы. Страх настолько глубоко въелся в ткань их бытия, что требовалось кардинальное переосмысление своего отношения и к самой природе страха, и к его

внешнему носителю – ажыдару.

Мужчины рода кара-кулов сжали в руках боевые топоры и тяжелые копья и отправились на решающую битву. Они отыскиали логово ажыдара, в жестоком бою нанесли ему тяжелые раны и, сплотившись в едином порыве, сломили сопротивление бестии. Камень за камнем они начали погребать поверженного монстра, закладывая основу будущей великой горы.

Древнее сказание зафиксировало этот момент: людям удалось заманить кровожадного ажыдара в ловушку, обездвижить и закидать тысячами тонны камней, навсегда замуровав его плоть под каменным курганом. - «Вот она – настоящая тайна этого сурового края! – осмысливал я происходящее. – Призрак ажыдара был навечно прикован к этим скалам. Вековое существование в его тени, сознание, подавленное слепой властью чудовища, вечное, навязчивое ожидание катастрофы – все эти опасения превратились в параноидальную манию, от которой люди долго не могли, а вернее, не хотели освободиться».

Многие месяцы и годы длился этот титанический труд. Люди неустанно возводили насыпь, сознавая, что ажыдар обладает чудовищной жизненной силой и может ожить, вырвавшись из каменного плена. Когда контуры огромного каменного саркофага наконец сформировались, мудрецы строжайше повелели людям не спускать глаз с горы, ибо Зло, будучи замурованным, непременно попытается при удобном

случае вырваться на свободу.

Высокая и святая честь стать вечными стражами Тегерека выпала этому малочисленному, но сплоченному, трудолюбивому и ровному в своих помыслах клану. Мудрец и вождь Ак-киши олуя нарек сородичей новым именем – кара-кулы, что отныне означало «Рабы Бога» и «Воины Добра». Так они приняли на себя священный обет: беречь Тегерек, дабы ни одна живая душа и никакая стихия не смогли расковать ажыдара из его каменной тюрьмы. Я невольно устремил взор на величественный ночной силуэт Тегерека, чувствуя холод вечности.

...Ажыдар, погребенный под толщей пород, впоследствии всплывал в воспоминаниях о тех жутких минутах. Он лежал в непроглядной тьме, судорожно прислушиваясь к внешнему миру и в тревоге расхищая зубастую пасть. Над оврагом, где он беспомощно бился весь день, ржали кони, раздавались иступленные крики людей, скрипели тяжелые деревянные арбы. Потеряв колоссальное количество крови, дракон уже не испытывал аффективного страха – он погружался в небытие.

Из коматозного состояния его вывел оглушительный, первобытный грохот, от которого задрожали базисные основания земли. Сверху, из недостигаемой выси, на него обрушился лавинообразный поток исполинских валунов. Камни с оглушительным треском сыпались со всех сторон, дробя его мощную хребтину, ломая крылья, плюща сильные лапы.

Этот адский шум отзывался в его угасающем сознании физической болью и экзистенциальным ужасом. Грохот не утихал, казалось, вечность. А он лежал, бессильный, вдавленный в глину и песок, и беспомощно, глухо мычал – но его прежде наводивший на вселенное суеверный ужас рев растворялся и тонул в гуле падающей породы.

Камнепад продолжался непрерывно день и ночь. Ажыдар перестал делать попытки сбросить со своей спины растущий пласт грунта. - «Это конец...» – пронеслась последняя искра мысли в его гаснущем разуме. Чудовище не могло знать, с каким нечеловеческим остервенением и страстью люди, столько лет терпевшие его тиранию, засыпали его песком, глиной и камнями, стремлению навсегда стереть само присутствие Зла с лица земли. Со стороны казалось, будто строители не ведают усталости и сна: день за днем они возводили ярус за ярусом, формируя грандиозный холм над погребенным хищником.

Время от времени люди замирали, чутко всматриваясь и прислушиваясь: жив ли ещё ажыдар? Их поражала его феноменальная живучесть: сквозь толщу породы всё ещё доносилось слабое шипение и отрывистые, глухие стоны. В эти моменты людям казалось, будто сама каменно-песчаная насыпь приходит в движение, словно нечто гигантское, темное и живое всё ещё силится разверзнуть грунт и вырваться наружу. Порой в сумерках уставшим воинам мерещилось, будто сквозь щели между камнями сверкают злобные желтые

глаза ажыдара. Однако того прежнего, лишаящего разума страха в них больше не было.

Лишь иногда в сознании женщин и детей просыпался древний, подсознательный ужас. Ловя на себе воображаемый или реальный взгляд двух пар холодных желтых огней, рассеченных вертикальными нитями кошачьих зрачков, человек ощущал себя ничтожной мошкой. Но инстинкт коллективного выживания непреклонно подсказывал: только в совместном, непрекращающемся труде по окончательному умерщвлению ажыдара кроется их единственный шанс на спасение.

- «Главное – не дрогнуть, не потерять человеческое достоинство перед этим бездонным взглядом...» – мысленно формулировал каждый. Замечая сполохи страха в глазах сородичей, старец Ак-киши олуя неустанно объезжал на коне строящуюся насыпь и ободряюще восклицал: - «Люди! Не поддавайтесь страху! Ажыдар больше не причинит вреда никому из вас! Этот жуткий, кровожадный потомок древних исполинов повержен, хотя, предупреждаю, он еще не испустил последний дух! Посему спешите! Будьте смелыми и твердыми! Знайте: он – последний дракон в этом подлунном мире...».

Но мудрый старец прозревал глубокую метафизическую истину: Зло никогда не умирает окончательно лишь оттого, что потерпело физическое поражение. Иногда оно просто впадает в длительную анабиотическую спячку, терпеливо поджидая часа, когда люди погрузятся в беспечность и

забудут о его существовании. Так возник Тегерек – искусственный монолитный саркофаг, под которым уснуло побежденное Зло. Его стражами стали кара-кулы, давшие священную клятву беречь гору от любого разрушения, ибо если каменная броня расколется, древняя Тьма непременно вырвется на свободу, обретя прежнюю сокрушительную силу.

Однако этот миф содержал в себе и иное, высшее смысловое измерение. Ажыдар – это не просто хищная рептилия, но и экзистенциальный Страх, который человек взращивает и выкармливает в собственном сознании. Он обретает беспредельную власть тогда, когда ему безоговорочно верят, и становится смертельно опасным, когда ради мнимого спасения от него люди добровольно отрекаются от своей свободы. Впрочем, не всякое злато есть продукт фантазии: в один день внутренний страх может столкнуться с подлинной, внешней угрозой, и тогда человеку придется сдать экзистенциальный экзамен – отличить вымысел от суровой реальности.

Тегерек – это не просто геоморфологический объект, а демаркационная линия, грань между укрощенным Злом и его неизбежным реваншем. Он напоминает: одержать победу над Злом недостаточно – необходимо до конца постичь его природу, заковать его силу в жесткие рамки и не позволить собственной слепой самонадеянности разрушить достигнутое.

С тех пор Тегерек высится среди скал – безмолвный, величественный и суровый. Ветер обходит его вершины, кам-

ни свято хранят древнюю тайну, а незримое время проверяет на прочность верность его стражей. Ибо у каждого народа есть свой курган Тегерек, и у каждого человека – свой внутренний аждадар. И главная, самая тяжелая битва начинается не тогда, когда человек сталкивается с чудовищем наяву, а тогда, когда он должен определить, что пред ним: фантом его собственных фобий, подлинное Зло или то и другое одновременно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.